ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 3 | 2026. Volume 19. Issue 3
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Две античные парадигмы добровольной смерти и проблема внешней санкции в биоэтике эвтаназии

Михайлова А. О.

Аннотация. Цель статьи состоит в том, чтобы доказать, что платоновско-аристотелевский запрет самоубийства и стоическое оправдание добровольной смерти, при всей противоположности их обоснований, разделяют посылку о внешнем удостоверении допустимости ухода из жизни и что посылка эта воспроизводится в нормативных конструкциях современной эвтаназии. Научная новизна исследования заключается в том, что две античные парадигмы сопоставляются не по содержанию даваемых ими ответов, а по источнику легитимации ухода, а обнаруженное совпадение проверяется на нормативном материале действующих правопорядков. Результаты исследования: установлено, что запрет опирается у Платона на религиозно-онтологическое основание, а у Аристотеля – на гражданско-правовое, тогда как стоическое оправдание держится на критерии «разумного выхода» и на учении об адиафоре. Показано, что стоический критерий определяется не волей действующего, а объективным положением дел. Выявлено, что обе парадигмы совпадают в посылке, согласно которой допустимость ухода удостоверяется инстанцией, внешней по отношению к человеку, расходясь при этом в вопросе о том, кому принадлежит жизнь. Установлено, что законодательство государств, легализовавших эвтаназию, воспроизводит ту же структуру: право на смерть нигде не предоставляется как чистое волеизъявление и во всех случаях обусловлено критериями, соблюдение которых удостоверяет врач. Выявлено, что легализация эвтаназии внешнюю инстанцию не упраздняет, а замещает её медико-правовой.

EN

Two ancient paradigms of voluntary death and the problem of external sanction in the bioethics of euthanasia

A. O. Mikhaylova

Abstract. The aim of the article is to prove that the Platonic-Aristotelian prohibition of suicide and the Stoic justification of voluntary death, for all the opposition of their groundings, share the premise that the permissibility of departure from life is certified externally, and that this premise is reproduced in the normative constructions of contemporary euthanasia. The scientific novelty of the study lies in comparing the two ancient paradigms not by the content of the answers they give, but by the source of legitimation of departure, and in testing the coincidence thus revealed against the normative material of currently effective legal orders. As a result, it has been established that the prohibition of suicide rests on a religious-ontological ground in Plato and on a civil-legal ground in Aristotle, whereas the Stoic justification relies on the criterion of the reasonable exit and on the doctrine of indifferents. It is shown that the Stoic criterion is determined not by the will of the agent but by the objective state of affairs. Both paradigms coincide in the premise that the permissibility of departure is certified by an authority external to the person, while diverging on the question of whom life belongs to. The legislation of states which have legalized euthanasia reproduces the same structure: the right to die is nowhere granted as a pure expression of will and is in all cases conditioned upon criteria whose fulfilment is certified by a physician. It is concluded that legalization does not abolish the external authority but replaces it with a medico-legal one.

Введение

Актуальность исследования: правовая карта помощи в умирании изменилась за последние два десятилетия быстрее, чем за всю предшествующую историю вопроса. Практика, ещё в конце XX в. оставававшаяся достоянием единичных правопорядков, сегодня закреплена законодательно или допущена судами более чем в двадцати странах и территориях, а число рассматриваемых законопроектов продолжает расти (An interactive guide..., 2026).

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20260187

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

При этом правопорядки расходятся в том, кому принадлежит завершающее действие. В одной группе государств допускается эвтаназия в собственном смысле слова, когда препарат вводит врач: так построено регулирование в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, Канаде, Испании, Колумбии, Эквадоре, Уругвае, Новой Зеландии и в штатах Австралии. В другой разрешено лишь ассистированное самоубийство, при котором врач выписывает препарат, а принимает его сам пациент, как в Швейцарии, Австрии, Германии и более чем десяти штатах США (An interactive guide..., 2026). Различение не техническое, поскольку за ним стоит вопрос о том, чьё действие прекращает жизнь.

Расширяется не только география. Ж. Г. Симонова (2021) показывает, что изначально узкие условия применения шаг за шагом распространяются на новые категории пациентов, от неизлечимо больных взрослых к лицам с психическими расстройствами и далее к несовершеннолетним. Там же, где законодательство ещё не принято, вопрос не снимается: британский законопроект о помощи в умирании неизлечимо больным прошёл Палату общин, но в Палате лордов не был завершён до окончания сессии в апреле 2026 г. и утратил силу (Terminally Ill Adults..., 2026).

Параллельно право на смерть раз за разом становится предметом разбирательств в Европейском суде по правам человека, от дела «Претти» до дела «Ламбер» (Момотов, 2019). Российское право сохраняет прямой запрет эвтаназии в ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (2011). Запрет этот не устраняет ни доктринальной дискуссии, ни потребности в основаниях, по которым его можно было бы оценить.

Общее у всех перечисленных состояний одно. Ни разрешительные, ни запретительные правопорядки не располагают критерием, позволяющим отличить допустимый уход из жизни от недопустимого, не отсылая при этом к оценке со стороны. Речь, следовательно, идёт не о медицинской частности, а о философском вопросе, который остаётся открытым: вправе ли человек распоряжаться собственной жизнью и от чего зависит ответ.

Вопрос этот не новый. За доводами о святости жизни и об автономии личности стоит расхождение, во многом восходящее к античности. Однако античные представления о добровольной смерти разнородны настолько, что сводить их к единому учению нельзя: между пифагорейским запретом, стоической апологией и римской практикой mors voluntaria (лат. добровольная смерть) различия велики. Поэтому в работе рассматриваются два наиболее влиятельных и прямо противоположных подхода, платоновско-аристотелевский запрет самоубийства и стоическое оправдание добровольного ухода. Обе позиции далее обозначаются как парадигмы, поскольку каждая задаёт не отдельное суждение о самоубийстве, а связный способ ставить вопрос о принадлежности человеческой жизни.

В литературе обе парадигмы обыкновенно противопоставляются, и противопоставление выглядит исчерпывающим: запрет отказывает человеку в праве на собственную смерть, стоическое оправдание такое право признаёт. Настоящая работа исходит из того, что противоположность здесь неполна. Запрет и оправдание расходятся в обосновании, но сходятся в посылке, которую ни одна из сторон не проговаривает. Допустимость ухода из жизни в обоих случаях не создаётся волей человека, а удостоверяется инстанцией, внешней по отношению к нему. У Платона и Аристотеля такой инстанцией выступают боги и полис. У стоиков её роль принимает на себя объективное положение дел, с которого «мудрец» считывает разумность выхода и которое его усмотрению не подчинено.

Если предположение верно, то в современную биоэтику перешла не одна из двух парадигм и даже не их спор, а общая для них посылка. Тогда легализация эвтаназии не даёт той автономии, которую провозглашает, а заменяет прежнюю удостоверяющую инстанцию новой, медико-правовой. Проверка этого предположения и составляет содержание работы.

Для достижения цели исследования решается ряд задач:

– во-первых, различить основания запрета самоубийства у Платона и у Аристотеля и установить, какая инстанция в каждом случае выступает источником недозволенности;

– во-вторых, эксплицировать содержание стоического критерия «разумного выхода» (греч. εὔλογος ἐξαγωγή) и определить, чем задаётся его применение: волей действующего или объективным положением дел;

– в-третьих, сопоставить обе парадигмы по единому основанию, каковым служит источник легитимации ухода, и проверить полученный результат на пограничном случае смерти Катона Младшего;

– в-четвёртых, соотнести выявленную структуру с критериями допустимости эвтаназии, закреплёнными в действующих правопорядках, и с аргументацией современной биоэтики.

Методологически работа опирается на интерпретацию философских первоисточников и на типологическое сопоставление двух парадигм по единому основанию. Устойчивость полученного результата проверяется двумя способами. Сначала на пограничном случае, в котором обе парадигмы сходятся в одном поступке, каковым выступает смерть Катона Младшего. Затем сопоставлением выявленной структуры с критериями допустимости эвтаназии, закреплёнными в действующем законодательстве. Сравнительно-исторический анализ привлекается в той мере, в какой требуется проследить переход обеих парадигм в новоевропейскую и современную мысль.

Материалом исследования послужили сочинения Платона (1990; 1993; 1994), Аристотеля (1983), Сенеки (1977), Марка Аврелия (1993), Диогена Лаэртского (1986) и Цицерона (2000), свидетельства Плутарха (1994) и Тацита (1969), христианские тексты Августина (1998) и Фомы Аквинского (2013), а также нормативные акты и судебные решения, определяющие условия допустимости эвтаназии в современных правопорядках.

Теоретическая база исследования. Оба подхода неоднократно становились предметом исследования.

Античную традицию добровольной смерти подробно описывает зарубежная литература, от классического труда А. ван Хоффа (Hooff, 1990) до работ М. Гриффин (Griffin, 1976; 1986), Дж. Риста (Rist, 1969), Б. Инвуда (Inwood, 2005) и Дж. Купера (Cooper, 2012), а платоновский и аристотелевский запрет самоубийства отдельно анализируется в работе Д. Вернера (Werner, 2018).

В отечественной науке стоическую философию самоубийства разбирает С. С. Аванесов (2013), экзистенциальное измерение античного отношения к смерти прослеживает А. С. Гагарин (2017a; 2017b), историко-философское осмысление суицида от Сократа до христианства принадлежит М. Н. Лященко (2012; 2013), а наиболее полно этику добровольного ухода и её современные продолжения исследует А. В. Антипов (2019; 2022; 2024).

При всей проработанности материала обе традиции описываются в литературе либо порознь, либо как взаимно опровергающие друг друга. Вопрос о том, не разделяют ли они при этом общей посылки, и вопрос о последствиях такого совпадения для нормативной конструкции современной эвтаназии самостоятельно не ставились.

Практическая значимость: если ни одна из двух традиций не допускает распоряжения собственной жизнью без внешнего удостоверения, то законодательный выбор проходит не между свободой и запретом, а между конфигурациями удостоверяющей инстанции и содержанием применяемых ею критериев. В таком виде выводы применимы при оценке запрета, установленного ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», и при выработке критериев допустимости там, где вопрос находится на рассмотрении.

Обсуждение и результаты

Добровольная смерть как философский вопрос в эпоху Античности

Добровольная смерть принадлежала античной культуре задолго до того, как философия сделала её предметом систематического размышления. А. ван Хофф (Hooff, 1990), собравший тысячу засвидетельствованных случаев, показывает, что греческий и римский мир располагал широким репертуаром культурно одобренных уходов из жизни. Гибель на проигранном поле боя, уход ради чести или во избежание плена из общественной нормы не выпадали.

Философия вмешалась в эту практику не для того, чтобы её упорядочить, а чтобы задать вопрос, который обыденная мораль не ставила. Вправе ли человек распоряжаться собственной жизнью? Принадлежит ли эта жизнь ему, или он лишь является её держателем как доверенного кем-то блага? С постановки такого вопроса добровольная смерть перестаёт быть культурным фактом и становится этической проблемой.

Ответ расходится надвое, и расхождение глубже простого несовпадения мнений. Одна линия размышлений предполагает, что жизнь человеку не принадлежит, что он держит её как вверенное, а не как своё. Другая состоит в том, что разумное распоряжение собственной смертью и есть высшее проявление свободы. За этими ответами стоят два несовместимых понимания того, кому человек обязан существованием, и всё же вырастают они из одного корня, а потому складываются не в два независимых сюжета, а в две стороны одной проблемы.

В рамках отмеченной антиномии наиболее показательны противоречия между платоновско-аристотелевским запретом самоубийства и стоическим оправданием добровольного ухода из жизни. Античная мысль двумя парадигмами не исчерпывается и отличается достаточно высоким разнообразием. Тем не менее обе они отвечают на один вопрос и дают взаимоисключающие ответы, что и позволяет взять их как два противоположных полюса античной философии самоубийства.

Прежде чем сопоставлять две парадигмы, следует условиться, по какому основанию ведётся сопоставление. Сравнение по содержанию ответов даёт заранее известный результат: одна запрещает, другая дозволяет, и дальше этого противопоставление не идёт. Продуктивнее другое основание, а именно вопрос о том, чем удостоверяется допустимость ухода. Кто выносит суждение о правомерности и что служит предметом такого суждения? Вопрос применим к обеим парадигмам в одинаковой формулировке, а ответ приходится извлекать из текста, а не заимствовать из готового противопоставления. Дальнейшее изложение построено соответственно.

Запрет самоубийства: платоновская и аристотелевская парадигмы

Запретительный подход оформился в греческой философии прежде развёрнутой юридической и политической мысли о самоубийстве и опирался, судя по всему, на пифагорейское наследие, в котором тело понималось темницей души, а самовольный выход из неё считался нарушением божественного установления. Первую отчётливую формулировку запрет самоубийства получает у Платона, и она носит религиозно-онтологический характер.

В «Федоне» Сократ объясняет Кебету, почему человеку нельзя «учинять над собой насилие»: люди принадлежат богам как часть их достояния и поставлены ими словно на стражу, покидать которую без приказа не велено (Платон, 1993, с. 12). Человек поставлен в положение не хозяина, а хранителя вверенного имущества. Распорядиться своей жизнью значит для него присвоить власть, которая ему не принадлежит. Запрет держится не на вреде, причиняемом самоубийством, а на том, что у человека вовсе нет права на такое решение.

Это место «Федона» нередко интерпретируется в обратном смысле, будто Сократ говорит о нейтральном отношении к добровольному уходу. Текст такого прочтения не выдерживает. Д. Вернер (Werner, 2018) показывает, что самоубийство прямо названо недозволенным (греч. οὐ θεμιτόν), противным священному установлению. Та же оценка звучит и в «Законах», где Платон (1994, 873c-d) велит хоронить самоубийц отдельно, без надгробия и почестей.

Исключения Платон (1994, 854a, 873c-d) оговаривает, но строит их как изъятия из запрета, а не как ограничения некоего исходного права. Уход дозволен, когда его выносит приговором государство, когда к нему вынуждает непосильное бедствие, когда причиной становится непереносимый позор. Существенно, что и в дозволенных случаях решение остаётся за внешней инстанцией. Оговорки касаются не права индивида распорядиться собой, а полномочий той инстанции, которая одна и вправе такое распоряжение допустить. Там же, где запрет нарушен без изъятия, самоубийство остаётся для Платона проявлением слабости (Антипов, 2019).

Образцом такого отношения служит сам Сократ. Приговорённый к смерти, он не бежит из тюрьмы и не торопит конец, а предпочитает принять смерть из рук полиса, а не из своих собственных (Платон, 1990). Дозволенная смерть есть смерть, удостоверенная высшей инстанцией, и фигура Сократа закрепляет это разграничение нагляднее всего.

Аристотель наследует данной традиции, но меняет обоснование. В пятой книге «Никомаховой этики» добровольное умерщвление себя разбирается не как грех против божественного порядка, а как несправедливость, причём направленная не на себя. По логике Аристотеля, потерпеть несправедливость по своей воле нельзя. Ущерб несёт поэтому не самоубийца, а государство, ведь гражданин, уходя без санкции закона, отнимает у полиса принадлежащее полису (Аристотель, 1983, с. 169). За самоубийство и полагается бесчестье (греч. ἀτιμία), ложащееся на память об умершем. Религиозная рамка снята полностью: жить человек обязан не потому, что он собственность богов, а потому, что он часть гражданского целого.

Внутри запретительной парадигмы складываются, стало быть, два обоснования недопустимости самоубийства: религиозно-онтологическое у Платона и гражданско-правовое у Аристотеля. Объединяет их посылка о том, что человек не располагает собой безраздельно. Обнаруживается и общая черта: запрет обращён к индивиду, но коллектив не затрагивает, поскольку то же государство, которое отказывает гражданину в праве на собственную смерть, само вольно её назначить приговором или войной. Под запретом оказывается не лишение жизни как таковое, а самовольное распоряжение ею.

Ответ на поставленный вопрос для этой парадигмы затруднений не вызывает. Допустимость ухода удостоверяется здесь инстанцией, названной прямо: богами у Платона и полисом у Аристотеля. Существенно, что удостоверение требуется не только для запрета, но и для дозволения: платоновские изъятия работают так же, как основной запрет, различаясь лишь исходом. Ниже будет показано, что стоическая парадигма, отвечая на исходный вопрос противоположным образом, воспроизводит ту же схему.

Современный спор об эвтаназии во многом унаследовал подобную линию аргументации.

Когда противники легализации эвтаназии отмечают, что намеренное прекращение человеческой жизни посягает на её ценность, а узаконивание такой практики дестабилизирует весь нормативный порядок, они повторяют аристотелевский ход: жизнь отдельного человека вписывается в порядок, который старше его и которому он обязан (Александрова, 2015).

Здесь же часто воспроизводится и религиозно-онтологический подход. Тезис о святости человеческой жизни, о том, что жизнь не отдана в полное распоряжение тому, кто её несёт, прямо продолжает платоновское различение доверенного человеку и собственно человеческого. Например, С. Е. Четав (2009, с. 47) видит главную опасность эвтаназии в том, что она представляет собой посягательство на идею святости жизни и переступание границы, очерченной древним «не убий». Человек, берущийся решать вопрос о собственной смерти, выходит за пределы своей компетенции.

Схожую логику можно обнаружить и в практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). В деле «Претти против Соединённого Королевства» (Pretty v. the United Kingdom, 2002) Суд отказался выводить право на смерть из гарантированного Конвенцией права на жизнь. Он отметил, что из права на сохранение жизни обратное ему право на её прекращение не вытекает (Момотов, 2019, с. 13).

Сюда же примыкает и сохранение в медицинской сфере Клятвы Гиппократа, запрещающей врачу давать смертельное средство: принцип «не навреди» ставит сохранение жизни выше желаний самого индивида (Александрова, 2015; Четав, 2009).

До современности запретительная парадигма дошла, таким образом, в различных формах: святости жизни, обязательств перед сообществом, профессионального долга врача. Во всех видах запрет остаётся запретом извне. Унаследована и отмеченная асимметрия: современное право, отказывая больному в эвтаназии, в других случаях само санкционирует причинение смерти.

Оправдание добровольной смерти: стоическая парадигма

Аргументация в пользу допустимости добровольного ухода начинается с прямого отрицания той посылки, на которой держится платоновский и аристотелевский запрет. Стоическая школа первой в греко-римской традиции подвела под такой уход концептуальное основание, и основание это не осталось умозрительным: сами основатели школы ушли из жизни по собственной воле, причём Зенон, по преданию, умер, задержав дыхание, а Клеанф уморил себя голодом (Диоген Лаэртский, 1986).

В основе стоического учения о добровольной смерти лежит понятие «разумный выход» (греч. εὔλογος ἐξαγωγή), то есть уход, оправданный рассуждением, а не сиюминутным аффектом. Допустимым с точки зрения стоической этики его делает разумность основания, а не желание умереть само по себе. Произволу настроения этот выход стоики не отдавали.

По свидетельству Диогена Лаэртского, разумно расстаться с жизнью «и за отечество, и за друга, и от слишком тяжёлой боли, или увечья, или неизлечимой болезни» (1986, с. 285). Мерою служит не субъективная

усталость от жизни, а объективная невозможность вести существование сообразно природе и добродетели (Цицерон, 2000; Cooper, 2012). В основе меры лежит понимание жизни и смерти как «безразличного» (греч. ἀδιάφορα – адиафора), того, что само по себе не является ни благом, ни злом, ибо благом остаётся для стоика одна добродетель (Inwood, 2005). Выбор определяется поэтому не собственной ценностью жизни и смерти, а тем, какая из двух возможностей позволяет в данных обстоятельствах поступить добродетельно.

Здесь возникает вопрос, от ответа на который зависит вся дальнейшая линия рассуждения: кому принадлежит суждение о разумности выхода? На первый взгляд ответ очевиден. Суждение выносит сам «мудрец», и в этом состоит его свобода. Дж. Купер (Cooper, 2012) и Б. Инвуд (Inwood, 2005) читают стоическую позицию именно так, усматривая в решении об уходе акт практического разума действующего лица, а не подчинение обстоятельствам.

Содержание критерия, однако, такому прочтению сопротивляется. Перечень оснований у Диогена Лаэртского состоит из положений дел, а не из состояний воли: отечество, друг, боль, увечье, неизлечимая болезнь. Стоическое «надлежащее» (греч. καθῆκον) определяется тем, что сообразно природе, а распределение предпочитаемого и отвергаемого среди безразличных вещей от решения действующего не зависит. Разум «мудреца» меру здесь не устанавливает, а распознаёт. Отсюда и осуждение Сенекой отвращения к жизни (лат. taedium vitae): оно отвергается не потому, что человек не вправе решать, а потому, что его решение не отвечает объективному положению вещей.

Расхождение между двумя прочтениями поэтому не столь велико, как выглядит. Дж. Купер и Б. Инвуд правы в том, что решение выносит сам действующий. Тем не менее выносит он его не свободно, а связанно, и связан он тем, что от него не зависит. С. С. Аванесов (2013) доводит наблюдение до предела, показывая, что стоическая этика не в силах противопоставить личность обстоятельствам: активность человека сводится к исполнению требований того или иного «положения дел», вплоть до прекращения собственной жизни. «Мудрец» не столько выбирает смерть, сколько считывает её как предписанную извне.

Принимать сильную версию возражения не обязательно, достаточно и слабой. Стоическая парадигма переносит удостоверяющую инстанцию внутрь человека лишь по видимости. Разум, которым удостоверяется допустимость ухода, есть разум, читающий объективный порядок, и в этом отношении он не менее внешен по отношению к воле, чем платоновские боги или аристотелевский полис. Расходясь в вопросе о принадлежности жизни, обе парадигмы сходятся, следовательно, в том, что правомерность ухода не создаётся волей, а удостоверяется по внешнему основанию.

Длительность жизни оказывается величиной безразличной, чего не скажешь о её качестве. Сенека (1977) сжимает эту мысль в формулу из 77-го письма: «Жизнь не всегда тем лучше, чем дольше».

Возможность уйти в выбранный час и даёт то самообладание, которое стоики ценили выше самого продолжения жизни (Антипов, 2019). Марк Аврелий (1993) облекает ту же мысль в образ задымлённого жилища: если дом полон дыма и оставаться невмоготу, разумный человек попросту выходит. Уход лишён здесь патетики и предстаёт сообразным обстоятельствам решением.

Развёрнутую форму схема получает в римском стоицизме, у Сенеки, для которого добровольная смерть свидетельствует о внутренней свободе. Толкование его позиции составляет предмет давнего спора. Дж. Рист (Rist, 1969) видел в ней отход от ортодоксальности: понятие свободы (лат. libertas) занимает у Сенеки место, какого оно не имело у основателей школы. М. Гриффин (Griffin, 1976; 1986) возражала, что речь идет о смещении акцентов под давлением политической обстановки эпохи Юлиев-Клавдиев, когда добровольный уход нередко оказывался единственной заменой казни. Подтверждением стала смерть самого Сенеки, получившего от Нерона приказ умереть и вскрывшего себе вены с тем самообладанием, какое он проповедовал в письмах (Тацит, 1969).

Спор этот, к слову, подтверждает сделанный выше вывод с неожиданной стороны. Если добровольный уход при дворе Нерона был заменой казни, то удостоверяющей инстанцией выступал в подобных случаях не разум умирающего, а прямая воля принцепса, и «свобода» состояла лишь в выборе способа исполнения уже вынесенного решения.

Было бы, впрочем, ошибкой полагать, будто стоики воспринимали самоубийство как обязанность или благо. Бегущих из жизни от скуки и пресыщения Сенека осуждал настойчиво, и различение разумного ухода и малодушного бегства заложено в самой стоической позиции. Расхожий образ «стоического культа самоубийства» этого различения не замечает: по подсчётам ван Хоффа (Hooff, 1990), уходы собственно стоической окраски составляют лишь около шестой части известных античных случаев.

Стоическое оправдание добровольной смерти оказывается, стало быть, не апологией самоубийства вообще, а строго ограниченным дозволением, обусловленным разумностью основания и невозможностью дальнейшего достойного существования. Это ограничение существенно для дальнейшего изложения, поскольку в точно такой же форме, через перечень условий и через требование их удостоверить, устроено и современное законодательство об эвтаназии.

Современный довод в пользу права на смерть опирается на схожие основания. Право на самоопределение, которого придерживаются сторонники легализации, повторяет притязание «мудреца» самостоятельно распорядиться собственной смертью: человек волен выбирать, длить ему жизнь или оборвать, и медицина не должна удерживать того, кто не умирает лишь оттого, что ему не дают умереть (Александрова, 2015). Право на достойную смерть продолжает стоический тезис о предпочтении качества жизни её длительности, поскольку существование, лишившееся того, что делало его сообразным достоинству, длить незачем (Александрова, 2015).

Уход «за отечество и за друга» у Диогена Лаэртского отзывается, в свою очередь, в нынешнем доводе о «праве быть альтруистом», хотя довод этот в большей степени восходит к аристотелевскому пониманию ухода в интересах сообщества (Александрова, 2015).

Что примечательно, стоическая линия отразилась и в более поздней по сравнению с делом Претти практике ЕСПЧ. В деле «Кох против Германии» (Koch v. Germany, 2012) Суд исходил уже из того, что право распоряжаться собственной жизнью неотчуждаемо и неразрывно связано с личностью его носителя (Момотов, 2019, с. 14).

Проверка результата: пограничный случай и нормативный материал

Полученный результат нуждается в проверке, поскольку до сих пор он извлекался из текстов каждой парадигмы порознь. Проверка проводится дважды. Сначала на случае, в котором обе парадигмы сталкиваются в пределах одного поступка, затем на действующем законодательстве, где, если вывод верен, должна обнаружиться та же структура.

Пограничным случаем такого рода служит гибель Катона Младшего. После поражения от Цезаря он дважды за ночь перечитывал платоновский «Федон», а наутро лишил себя жизни, чтобы не принимать помилования из рук победителя (Плутарх, 1994). Смысл поступка глубоко стоический: принять прощение значило бы признать за Цезарем право распоряжаться жизнью Катона. И всё же Катон выбирает «разумный уход», перечитывая диалог, доказывающий ровно противоположное, а именно что человек есть собственность богов и покидать свой пост не вправе. М. Гриффин (Griffin, 1986) видит здесь сознательно выстроенный образец философского самоубийства, которым римская традиция потом мерила достоинство добровольного ухода.

Сцена эта обыкновенно приводится как иллюстрация античной антиномии, и на уровне обоснований она таковой остаётся. При взгляде на источник легитимации картина, однако, меняется. Катон уходит не потому, что так решил, а потому, что положение дел не оставляет иного способа сохранить достоинство. Решение вычитывается им из обстоятельств и потому доказательно для окружающих. Доказательность и позволила римской традиции сделать поступок образцом: чистое волеизъявление образцом служить не могло бы. Пограничный случай, следовательно, вывод не опровергает, а подтверждает.

Утвердившееся в Европе христианство переняло платоновско-аристотелевское осуждение самоубийства и довело его до абсолюта. Августин (1998) в трактате «О граде Божием» отказывает в оправдании даже Лукреции, заколовшейся после насилия. Фома Аквинский (2013) придаёт запрету систематический вид, объединяя оба античных обоснования: добровольная смерть противоречит естественной любви человека к себе, вредит сообществу и посягает на власть Бога над жизнью. Средневековый синтез, стало быть, не просто повторил античный запрет, но соединил его религиозную и гражданскую версии в единую доктрину (Лященко, 2013).

Прямой преемственности между античностью и современным спором, таким образом, нет: между ними легло полтора тысячелетия христианского консенсуса. Доказывается здесь не наследование доводов, а устойчивость той структуры, внутри которой доводы формулируются. Структура эта переживает и смену обоснований, и смену инстанций, что и делает возможной её проверку на материале, прямо не связанном с античностью.

Античность и Средневековье спрашивали, дозволена добровольная смерть или запрещена, и обе парадигмы, при всей их противоположности, держались плоскости морали и права. Новое время перенесло вопрос в иную, медицинскую плоскость.

А. В. Антипов (2022), опираясь на научный аппарат критической суицидологии, показывает, что Новое время превращает самоубийство из нравственного и юридического деяния в предмет медицины. Субъект становится пациентом, а добровольная смерть отходит в ведение медицины, в том числе психиатрии, и складывающихся вокруг неё институтов власти над жизнью.

Это смещение несовместимо сразу с обеими парадигмами. Стоический разумный выход в медицинской рамке становится внутренне противоречивым, поскольку всякое самоубийство есть симптом и «разумного самоубийства» не бывает. Запрет же теряет облик нравственного осуждения и оборачивается задачей профилактики: самоубийцу не порицают, а лечат. Медикализация ставит при этом над личностью нового «надзирающего» субъекта в лице врача, и отказ в праве выбрать смерть исходит уже не от Бога и не от сообщества, а от представителей конкретной профессии.

Сомнение в самостоятельности решения присутствует и в современном споре. Если решение уйти принимается под гнётом невыносимого страдания, страха стать обузой или давления со стороны близких, то «свободный выбор» оказывается, как и стоический уход в прочтении С. С. Аванесова, скорее подчинением обстоятельствам, чем их преодолением.

Проверить полученный вывод позволяет, однако, не только история идей, но и действующее право. Если обе парадигмы сходятся в том, что допустимость ухода удостоверяется извне, то законодательство, легализовавшее эвтаназию под знаменем автономии, должно либо порвать с этой посылкой, либо её воспроизвести. Нидерландский закон 2002 г. о проверке прекращения жизни по просьбе и помощи в самоубийстве, старейший и наиболее изученный из действующих, воспроизводит её полностью.

Эвтаназия и содействие самоубийству остаются в Нидерландах уголовно наказуемыми, а врач освобождается от ответственности лишь при соблюдении шести требований должной заботливости. Он обязан удостовериться в том, что просьба пациента добровольна и обдуманна, и в том, что страдание невыносимо и лишено перспективы улучшения. Он обязан проинформировать пациента о его положении, прийти совместно с ним к выводу об отсутствии разумной альтернативы, получить письменное заключение второго независимого врача и выполнить процедуру надлежащим с медицинской точки зрения образом (Buiting, Gevers, Rietjens et al., 2008).

Примечательно распределение ролей. Просьба исходит от пациента, но основанием правомерности она сама по себе не служит: основанием служит удостоверение, которое даёт врач, а предметом удостоверения

выступают объективное состояние, невыносимость страдания и отсутствие перспективы улучшения. Даже добровольность просьбы подлежит здесь не изъявлению, а установлению со стороны. Пациент занимает в такой схеме место, близкое к положению стоического «мудреца», которому дозволено уйти, когда положение дел таково, что дальнейшая жизнь несовместима с достоинством. Различие в том, что распознаёт положение дел теперь не он сам.

Неопределённость критерия, отмеченная выше применительно к стоической «разумности», здесь не устраняется, а получает институционального носителя и становится измеримой. Опрос нидерландских врачей показал, что среди столкнувшихся с затруднениями при применении требований должной заботливости около четырёх пятых относили затруднение к оценке невыносимости и безнадёжности страдания, а около трёх пятых – к оценке добровольности просьбы (Buiting, Gevers, Rietjens et al., 2008). Наибольшую трудность вызывают, иными словами, ровно те требования, которые предполагают оценку субъективной перспективы пациента посторонним лицом. Это не дефект нидерландской модели, а следствие самой конструкции: если правомерность ухода удостоверяется извне, то удостоверять приходится то, что извне ненаблюдаемо.

А. А. Скворцов (2024) не случайно обозначает эвтаназию как «узаконенный суицид» и отмечает, что критерии её допустимости, будь то невыносимость страдания, отсутствие надежды на улучшение или «должная забота», оказываются ровно столь же неопределёнными, сколь неопределённым был стоический критерий «разумности».

Неопределённость эта не остаётся умозрительной. Ж. Г. Симонова (2021) показывает, что в государствах, узаконивших эвтаназию, поначалу узкие условия её применения шаг за шагом расширяются: от неизлечимо больных взрослых к пациентам с психическими расстройствами и далее к несовершеннолетним. Это расширение следует из природы критерия: раз содержание невыносимого страдания не задано заранее, а устанавливается врачебным суждением, то и границы его подвижны.

Особенно остро отмеченная проблема встаёт там, где волю самого больного установить нельзя. Например, в деле «Ламбер и другие против Франции» (Lambert and Others v. France, 2015), где речь шла о прекращении лечения по поддержанию жизни пациента, не способного выразить свою волю, действительное желание умирающего стало предметом спора между его близкими, и «право на достойную смерть» обернулось столкновением толкований невыраженной воли умирающего (Момотов, 2019).

Легализованная эвтаназия возвращает, стало быть, санкционированную, «разумную» смерть, но возвращает её преображённой. Стоический «мудрец» судил и действовал сам, тогда как в эвтаназии решение о допустимости передоверено врачам и закреплённым в законе критериям. Автономия больного реальна, но осуществляется не иначе как с санкции медико-правового аппарата. Здесь и замыкается асимметрия, отмеченная во втором разделе: как античный запрет дозволял только смерть, санкционированную государством или богами, так современность дозволяет только смерть, санкционированную врачебным заключением и юридической процедурой.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд следующих выводов.

Во-первых, две рассмотренные парадигмы опираются на разные основания. У Платона запрет религиозно-онтологичен: жизнь есть вверенное человеку достояние богов, и оставить её по своей воле значит присвоить чужую власть. У Аристотеля запрет гражданско-правовой: самоубийство есть несправедливость по отношению к полису. Стоическое оправдание держится на понятии разумного выхода и на учении об адиафоре, согласно которому жизнь и смерть сами по себе не благо и не зло, в связи с чем «мудрец» вправе уйти, когда дальнейшее существование делается несовместимым с добродетелью.

Во-вторых, при этой противоположности обоснований обе парадигмы разделяют посылку, которую ни одна из них не проговаривает: правомерность ухода не создаётся волей человека, а удостоверяется по основанию, от его воли не зависящему. В запретительной парадигме инстанция названа прямо. В стоической её роль исполняет объективное положение дел, которое «мудрец» распознаёт, но не назначает, вследствие чего и перечень оснований ухода у Диогена Лаэртского состоит из обстоятельств, а не из состояний воли. Антиномия тем самым не упраздняется, а получает точное место: расходятся парадигмы в вопросе о том, кому принадлежит жизнь, и сходятся в вопросе о том, чем удостоверяется правомерность её оставления.

В-третьих, тот же результат подтверждается на пограничном случае. Смерть Катона Младшего соединяет в одном поступке обе парадигмы и потому обыкновенно приводится как образ античной антиномии. Однако образцом для римской традиции этот поступок стал в силу своей доказательности, то есть в силу того, что решение Катона вычитывалось из обстоятельств и было доступно проверке со стороны.

В-четвёртых, ту же структуру воспроизводит действующее законодательство об эвтаназии. Право на смерть нигде не предоставляется как чистое волеизъявление. Нидерландская модель, послужившая образцом для последующих, требует врачебного удостоверения не только объективных обстоятельств, но и самой добровольности просьбы, а наибольшие затруднения в практике вызывают именно те требования, которые предполагают оценку внутреннего состояния пациента посторонним лицом. Легализация эвтаназии, следовательно, внешнюю инстанцию не упраздняет, а замещает её медико-правовой.

В-пятых, отсюда следует практический вывод. Спор об эвтаназии принято описывать как противостояние святости жизни и автономии личности, то есть как выбор между внешней инстанцией и её отсутствием. Описание неточно, поскольку отсутствия инстанции не предлагает ни одна из сторон. Выбор законодателя

проходит между конфигурациями удостоверяющей инстанции и содержанием применяемых ею критериев, и в этих терминах он поддаётся обсуждению, тогда как в терминах свободы и запрета остаётся неразрешимым.

Спор об эвтаназии, который часто воспринимают как порождение новейших медицинских технологий, оказывается тем самым продолжением спора, начатого в «Федоне» и в стоической школе. Вопрос о том, при каких условиях распоряжение собственной жизнью остаётся проявлением свободы, а при каких становится следствием подчинения внешним силам, ни одной из парадигм разрешён не был и составляет перспективное направление дальнейших исследований.

Материалы исследования | Research materials

1. Августин Аврелий. О граде Божием // Августин Аврелий. Творения: в 4 т. Изд-е 2-е. СПб. – К.: Алетейя; УЦИММ-Пресс, 1998. Т. 3-4.
2. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. В. Брагинской // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Изд-е 2-е / пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986.
4. Марк Аврелий Антонин. Размышления. Изд-е 2-е / пер. А. К. Гаврилова. СПб.: Наука, 1993.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.
6. Платон. Апология Сократа // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
7. Платон. Федон // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
8. Платон. Законы // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 4.
9. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. Изд-е 2-е. М.: Наука, 1994.
10. Постановление Европейского суда по правам человека от 29 апреля 2002 г. по делу «Претти против Соединенного Королевства» (Pretty v. the United Kingdom) (жалоба № 2346/02). https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60448
11. Постановление Европейского суда по правам человека от 19 июля 2012 г. по делу «Кох против Германии» (Koch v. Germany) (жалоба № 497/09). https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-112282
12. Постановление Европейского суда по правам человека от 5 июня 2015 г. по делу «Ламбер и другие против Франции» (Lambert and Others v. France) (жалоба № 46043/14). https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-155352
13. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / пер. С. А. Ошерова. М.: Наука, 1977.
14. Тацит Корнелий. Сочинения: в 2 т. Л.: Наука, 1969. Т. 1. Анналы.
15. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 47-122 / пер. С. И. Еремеева. К.: Ника-Центр, 2013.
16. Цицерон Марк Туллий. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. Н. А. Федорова. М.: Изд-во РГГУ, 2000.
17. An interactive guide to legislation, progress, and the global fight for the right to die // World Federation Right to Die Societies. 2026. https://wfrtds.org/world-map/
18. Terminally Ill Adults (End of Life) Bill // UK Parliament. 2026. https://bills.parliament.uk/bills/3774

Источники | References

1. Аванесов С. С. Стоическая философия человеческого удела: пантеизм и самоубийство // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 5 (133).
2. Александрова Д. П. Деонтологические проблемы в контексте биоэтики // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 2 (65).
3. Антипов А. В. Об основных понятиях критической суицидологии // Философия и общество. 2022. № 4. https://doi.org/10.30884/jfio/2022.04.04
4. Антипов А. В. Самоубийство как способ достижения морального совершенства в античной этике // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. № 4.
5. Антипов А. В. Суицид и эвтаназия в биоэтике: история и современность. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2024.
6. Гагарин А. С. Экзистенциал смерти в античной философии (от досократиков до Аристотеля) // Гуманитарные исследования. 2017a. № 1 (14).
7. Гагарин А. С. Экзистенциал смерти в античной философии: киники, стоики, Плотин // Гуманитарные исследования. 2017b. № 2 (15).
8. Лященко М. Н. Осмысление проблемы самоубийства в философской мысли Древней Греции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 7 (143).
9. Лященко М. Н. Суицид «глазами» Сократа и Августина Блаженного // Суицидология. 2013. Т. 4. № 4 (13).
10. Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (эвтаназия) // Lex Russica. 2019. № 10 (155). https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.155.10.009-015
11. Симонова Ж. Г. Эвтаназийный туризм: этические аспекты легального ухода из жизни // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 4. https://doi.org/10.30853/mns210127
12. Скворцов А. А. Трансформация самоубийства: от суицида до эвтаназии // Философский журнал. 2024. Т. 17. № 5.

13. Четав С. Е. Философско-правовые аспекты проблемы эвтаназия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1.
14. Buiting H. M., Gevers J. K. M., Rietjens J. A. C., Onwuteaka-Philipsen B. D., Maas P. J. van der, Heide A. van der, Delden J. J. M. van. Dutch Criteria of Due Care for Physician-Assisted Dying in Medical Practice: A Physician Perspective // Journal of Medical Ethics. 2008. Vol. 34. No. 9.
15. Cooper J. M. Pursuits of Wisdom: Six Ways of Life in Ancient Philosophy from Socrates to Plotinus. Princeton: Princeton University Press, 2012. https://doi.org/10.23943/princeton/9780691138602.001.0001
16. Griffin M. T. Seneca: A Philosopher in Politics. Oxford: Clarendon Press, 1976.
17. Griffin M. T. Philosophy, Cato, and Roman Suicide // Greece & Rome. 1986. Vol. 33. https://doi.org/10.1017/S0017383500029971
18. Hooff A. J. L. van. From Autothanasia to Suicide: Self-killing in Classical Antiquity. L. – N. Y.: Routledge, 1990. https://doi.org/10.4324/9780203325032
19. Inwood B. Reading Seneca: Stoic Philosophy at Rome. Oxford: Clarendon Press, 2005. https://doi.org/10.1093/oso/9780199250899.001.0001
20. Rist J. M. Stoic Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
21. Werner D. Suicide in the Phaedo // Rhizomata. 2018. Vol. 6. No. 2. https://doi.org/10.1515/rhiz-2018-0008

Информация об авторах | Author information

RU **Михайлова Александра Олеговна**[1]
[1] Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

EN **Aleksandra Olegovna Mikhaylova**[1]
[1] Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

[1] *miron_121@bk.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.06.2026; опубликовано online (published online): 05.08.2026.

Ключевые слова (keywords): запрет самоубийства; разумный выход; легализация эвтаназии; автономия пациента; внешняя санкция; prohibition of suicide; reasonable exit; legalization of euthanasia; patient autonomy; external sanction.